

Эпистолярное наследие Абылай хана в контексте казахско-русской политической коммуникации¹

Ю.А. Лысенко

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация
(E-mail: iulia_199674@mail.ru)

ARTICLE INFO

Ключевые слова:

Абылай хан,
Российская империя,
эпистолярное
наследие,
политическая
коммуникация,
социально-
экономические
вопросы,
подданство,
торговля.

МРНТИ 03.01.17

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-2-93-108>

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ эпистолярного наследия крупнейшего казахского общественно-политического деятеля XVIII в. Абылай хана сквозь призму практик коммуникации политической элиты Среднего жуза с органами власти и управления Российской империи. Отмечается, что в данный период отношения между двумя государствами эволюционировали от формально-правового сюзеренитета Российской империи над казахскими жузами до государственно-политического протектората. Это дает основание рассматривать властную коммуникацию казахской и российской политических элит как взаимодействие и взаимовлияние полноправных акторов. Данное взаимодействие принимало различные форматы - переговоры, обмен посольскими миссиями и т.д. Однако в условиях языкового барьера, территориальной отдаленности друг от друга, наиболее интенсивно взаимодействие осуществлялось через обмен письмами казахских султанов и ханов с чиновниками Российской империи. Такой формат взаимоотношений позволял оперативно решать срочные дела, выявлять позиции друг друга по тому или иному вопросу, обмениваться информацией. Эпистолярное наследие Абылай хана позволяет утверждать, что он вел переписку с императрицами, членами Коллегии иностранных дел, генерал-губернаторами Оренбургского края и Сибири, военной верхушкой войсковых соединений Западной Сибири. В поле зрения казахского правителя – развитие международной ситуации в Центральной Азии, казахско-русские и казахско-китайские отношения, «джунгарский вопрос»; широкий спектр социально-экономических вопросов. Анализ позиций Абылай хана по различным аспектам казахско-русского взаимодействия, его политическая риторика, отраженная в письмах, конечные результаты и эффекты, которые ему удавалось добиваться, свидетельствуют о его незаурядных дипломатических способностях.

Received 14 May 2024. Revised 20 May 2024. Accepted 31 May 2024. Available online 30 June 2024.

Дәйексөз үшін: Ю.А. Лысенко Эпистолярное наследие Абылай хана в контексте казахско-русской политической коммуникации // Turkic Studies Journal. – 2024. – Т. 6. – № 2. – С. 93-108. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-2-93-108>

For citation: Yu.A. Lysenko Abylai's Epistolary Legacy in the context of Kazakh-Russian political communication // Turkic Studies Journal. – 2024. – Vol. 6. – No 2. – P. 93-108. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-2-93-108>

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ (проект 23-28-01369 «Власть и общество в Степном крае Российской империи: эволюция практик взаимодействия (XIX – начало XX в.)»)

Введение

В истории российско-казахских отношений XVIII в. является особым периодом. Начавшееся присоединение Младшего и Среднего жузов к Российской империи сопровождалось формированием системы формально-правового сюзеренитета. В его формате российское подданство казахов являлось номинальным, отношения между двумя государствами носили не столько вассальный, сколько союзнический характер. Специально сформированные в 30-40-е гг. XVIII в. Оренбургская и Сибирская пограничные комиссии были призваны осуществлять взаимодействие с казахской политической элитой. В производственной документации данных структур всегда подчеркивался приграничный статус казахов-кочевников. Интенсивное строительство военных оборонительных линий, имевшее место в этот период, должно было обеспечить безопасность российских подданных – жителей приграничной с казахской степью территории (Басин, 1971; Ерофеева, 2007: 310-314).

С 60-х гг. XVIII в. ситуация изменилась. У российской политической элиты складывались более четкие планы в отношении казахской степи, все более очевидной становится ее роль как транзитной территории на пути к центрально-азиатским и китайским рынкам. Именно поэтому в эти годы появляются первые планы, направленные на сокращение сюзеренитета жузов и формирование российских политических институтов управления ими. На смену формально-правовому сюзеренитету приходит «это эпоха так называемого государственно-политического протектората» (Васильев, 2014: 82, 434).

Поиск российской властью наиболее перспективной и «удобной» модели взаимодействия с Младшим и Средним жузами, с одной стороны, и стремление казахской политической элиты наиболее адекватно отвечать на новые политические реалии, формирующиеся в регионе, вынуждали и тех, и других вступать в более тесные социально-политические контакты, осуществлять взаимодействие по целому ряду актуальных вопросов. Интенсивность таких коммуникаций резко возрастала в периоды, связанные с нарушением региональной стабильности, ростом угроз как российскому присутствию в Оренбургско-Сибирском приграничье, так и политической гегемонии правящей казахской элиты.

На протяжении XVIII в. коммуникации между казахской политической элитой и Российской империей осуществлялись через такие практики, как переговоры, обмен посольскими миссиями и подарками, назначение российской администрацией наград, чинов и званий казахским правителям и т.д. (Lysenko, 2018: 1518-1529; Абдилашим, 2024). Однако наиболее интенсивно взаимодействие осуществлялось через обмен письмами руководителей государственных структур Российской империи с казахскими султанами и ханами. Такой формат взаимоотношений позволял каждой из сторон оперативно решать текущие и срочные дела, выявлять позиции друг друга по тому или иному вопросу, обмениваться информацией о ситуации на российско-казахской границе и в степи. Ярким примером эффективности взаимодействия казахской политической элиты с российскими органами власти является переписка султана, а с 1771 г. – хана Среднего жуза Абылая.

Материалы и методы исследования

Источником данной статьи выступило эпистолярное наследие казахского правителя Среднего жуза Абылай хана, представленное в серии документальных сборников (Русско-казахские отношения..., 1964; Эпистолярное наследие казахской..., 2014). Всего, в общей сложности, проанализировано более 100 писем Абылай хана. Они написаны правителем за период с 1737 по 1780 гг. и адресованы российским императрицам, гражданским и военным служащим Российской империи.

Методологической основой статьи выступила теория структуризации Э Гидденса, рассматривающая властную коммуникацию как взаимодействие, взаимовлияние и взаимообмен полноправных коммуницирующих акторов. В рамках данной теории, политические контакты в формате переписки Абылай хана с российскими чиновниками можно рассматривать как властные взаимоотношения между полноправными акторами, имеющими возможность выбора действия из множества альтернатив. Конечным результатом такой коммуникации, по мнению Э. Гидденса, является урегулирование социальных и других проблем с наименьшими издержками для акторов (Giddens, 1984). В статье использовались исторические методы исследования. Историко-системный метод позволил рассматривать содержание писем Абылай хана в контексте международной ситуации в Центральной Азии в XVIII в. и динамики российско-казахских отношений. Историко-сравнительный метод эпистолярного наследия Абылай хана применялся для выявления спектра вопросов и проблем в российско-казахских отношениях этого периода, предлагаемых вариантов их решения и результативности.

Степень изученности темы

В историографии сложилось мнение о том, что при анализе российско-казахских отношений XVIII в. наиболее пристальное внимание исследователи уделяли правителю Среднего жуза Абылай хану. Это было связано с тем, что уже в ранний период своего правления в статусе султана Абылай хан проявил себя как дальновидный политический лидер. По мнению ряда авторов, он был мудрым политиком, талантливым полководцем и выдающимся дипломатом (Аполлова, 1960; Сулейменов, Моисеев, 1988; Касымбаев, 1999; Абуев, 2013). Как отмечает И. Ерофеева, «За пятьдесят лет правления ему удалось обеспечить политическую стабильность в северных, восточных и центральных регионах степи, расширить территорию кочевания казахских родов в Среднем и Верхнем Прииртышье и в Семиречье, наладить относительно регулярные торгово-экономические связи казахов с Россией, Цинской империей и центрально-азиатскими владениями» (Эпистолярное наследие казахской ..., 2014: 278).

Анализ дипломатической и военно-политической деятельности Абылай хана большинство исследователей анализируют на основе делопроизводственной документации центральных и региональных органов власти Российской империи. В то же время эпистолярное наследие политика, отраженное в документальном сборнике «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты», не было введено в научный оборот. Представляется, что его осмысление прольет новый свет на динамику и характер казахско-российских политических отношений, выявит их новые аспекты.

Анализ

Находясь у власти на протяжении нескольких десятилетий, сначала в статусе султана, а затем хана Среднего жуза, Абылай в силу политической ситуации, связанной с процессом присоединения Степного края в состав Российской империи, неизбежно стал одним из ключевых участников российско-казахских отношений. Косвенным подтверждением его достаточно активных контактов с российской стороной стало его эпистолярное наследие, насчитывающее более 100 писем. Первое из них датируется 1737 г. полковнику А.И. Тевкелеву, принимавшему, как известно, несколькими годами ранее присягу на верность императрице Анне Ивановне от хана Младшего жуза Абулхаира. Последнее, известное нам письмо, было написано Абылай ханом в 1780 г. Сибирскому губернатору, генерал-поручику Д.И. Чичерину.

Интенсивность подготовки писем Абылай ханом российским органам власти была различной. В период с 1737 по 1757 гг. он отправлял корреспонденцию один-два раза в год. Бывали и перерывы в три-четыре года, на протяжении которых правитель никому из российских чиновников не писал. Начиная с 1758 г. его переписка становится достаточно систематической и интенсивной. Фактически каждый следующий год он писал по несколько писем. Пик активности приходится на период, когда Абылай стал ханом Среднего жуза. В 1772 г. в разные инстанции он направил 9 писем, в 1777 г. – 10 писем, в 1778 г. – 18 писем (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 685-688).

Круг лиц, с которыми вел переписку Абылай хан, был достаточно широким. В нашем распоряжении имеется четыре письма, направленных российской императрице Анне Ивановне, три из которых написаны в соавторстве с ханом Среднего жуза Абулмамбетом, одно – Елизавете Петровне; пять писем – императрице Екатерине II. Также его адресатами являлись члены Коллегии иностранных дел, генерал-губернаторы Оренбургского края и Сибири, командующие войсками в Западной Сибири, командующие войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом, командиры укрепленных линий на российско-казахской границе, коменданты крепостей укрепленных линий. Часть этих писем являлась ответом Абылай хана на письма, которые он получал от российских чиновников, другая часть – инициатива самого казахского правителя. Высокий социально-политический статус лиц, с которыми Абылай хан вел переписку, свидетельствует о том, что он решал важные вопросы российско-казахских отношений.

Политические аспекты казахско-российского взаимодействия в эпистолярном наследии Абылай хана. Спектр данных вопросов был достаточно разнообразным. Прежде всего, это политическое взаимодействие Среднего жуза с Российской империей. В центре его внимания – проблема принятия российского подданства казахами Среднего жуза, связанная со стремлением России к политическому доминированию в казахской степи. При анализе данной ситуации необходимо учитывать и международную ситуацию, которая имела место в Центральной Азии в данный исторический период и характеризовалась широкой панорамой событий и контекстов казахско-российских, казахско-китайских и казахско-джунгарских отношений.

В свою очередь Российская империя, учитывая влияние Цинской империи в восточных и северо-восточных регионах казахской степи, вынуждена была проводить на территории

Среднего и Старшего жузов более умеренную политику, отличную от той, которая велась в Младшем жузе. Именно поэтому она крайне осторожно подходила к вопросам подданства Абылай хана. В конце 30-х гг. XVIII в., совместно с ханом Абулмамбетом, Абылай хан установил дипломатические отношения с Оренбургской пограничной комиссией и через ее посредничество несколько раз письменно обращался к императрице Анне Ивановне с просьбой о подданстве (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 247-249). В 1740 г. он самостоятельно направил письмо к российскому двору, а также начальнику Оренбургской пограничной комиссии В.А. Урусову с просьбой о принятии его и подвластных ему людей в подданство (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 280), (Российско-казахские отношения..., 1961: 151-156). Как известно, его просьба была удовлетворена в этом же году, когда вместе с Абулмамбетом он присягнул на верность российской короне.

Из писем Абылай хана следует, что после принятия подданства, в последующие годы российская пограничная администрация отслеживала ситуацию в Среднем жузе, особенно внешние контакты. Султану неоднократно количество раз приходилось отвечать на запросы российских чиновников по вопросам развития казахско-джунгарских-китайских отношений. В 50-е гг. XVIII в. в Джунгарском ханстве начался новый виток политической борьбы за власть, приведший к падению государства. Абылай хан поддержал нойонов Даваца и Амурсану – политических оппонентов правящего хунтайджи Лама-Доржи (Валиханов, 1984: 258-272; Моисеев, 1998). Вторжение цинских войск на территорию Джунгарии в 1855 г. привело к обострению казахско-китайских отношений, завершившихся подписанием цинским императором Цяньлуном грамоты на имя Абылай хана в покровительстве (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 276).

Об этих событиях Абылай хан в письмах сообщал чиновникам различных ведомств Российской империи, иногда запрашивая их мнения, консультации или конкретного решения по той или иной ситуации. Например, в ноябре 1752 г. он сообщал бригадиру А.И. Тевкелеву, что год назад в его кочевьях появились беглецы из Джунгарии, «три знатных, калмыцких владельца»: Лобача, внук бывшего хунтайджи Цэрэн-Дондука, и двое сыновей дочери хунтайджи Джамбы. Из Джунгарии к Абылай хану было официальное обращение вернуть беглецов, но он отказал в этом. В отместку джунгарские отряды «крайние киргис-кайсацкия улусы разорили, и киргис-кайсак несколько в полон взяли и, отогнав скот, отъехали прочь». Письмо А.И. Тевкелеву Абылай хан завершил словами: «...в сей случившейся между нами ссоре благоразумным Вашим наставление не оставить прошу» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 286).

В мае 1755 г. Абылай хан информировал коменданта Ямышевской крепости полковника Дебонга об участии его ополчения в военной операции Цинской империи по разгрому Джунгарского ханства (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 287). А в 1758 г. в ответ на письмо действительного статского советника, генерал-губернатора Оренбургского края И.И. Неплюева отвечал, что в июне 1857 г. при урочищах Айгуз и Айтансык «учинил мир» с китайцами. «Причем с обеих сторон приложили, чтоб при местечке, нарицаемом Иран-Каберга, нам с ними и торги производить такой же, каков и в Оренбурге бывает; с чем я и к его величеству богдыхану китайскому тридцать человек из своих людей отправил» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 290). Летом 1858

г. Абылай хан информировал генерал-майора А.И. Тевкелева о результатах поездки его дипломатической миссии к китайскому императору. В частности, он отмечал: «оной хан (китайский император – Ю.Л.) желает, чтобы я был ему по киргиски называем иным, т.е. меньший брат или племянник, а киргис-кайсаки – мирныи, объявляя при том, что хотя-де он сам от них и в отдалении, однако же сердце ево к нам блиско и благосклонно». Также в послании Абылай хан передал просьбу китайской стороны о выдаче джунгарского нойона Амурсаны, находившегося в это время в России. Таким образом, передача ему полномочий посредника в этом сложном международном вопросе свидетельствовала о высоком международном статусе казахского правителя (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 292).

В начале 60-х гг. XVIII в. успехи Абылай хана в сфере дипломатии и внешней политики позволили ему стать фактическим политическим лидером не только Среднего жуза, но и всего казахского народа. Усиление его позиций, стратегическое мышление и дальновидность отражались на его дальнейших отношениях с Российской империей. Абылай хан заверял в верности российской короне. Даже в 50-е гг. XVIII в., когда он принимал покровительство Цинского Китая, он продолжал в письмах к чиновникам российской администрации подчеркивать, что «кроме россиян братьев и сродников себе не имею» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 287). В 1862 г. он направил личное поздравление императрице Екатерине II в связи с ее восшествием на престол. В нем писал: «Клянусь и обещаю со всяческим старанием служить е.и.в. так же, как я служил ее величеству государыне – могущественной тетке Вашей Елизавете Петровне. (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 306).

Тем не менее, российская администрация, признавая влияние и авторитет Абылай хана в казахской степи, пытается различными способами сделать его более зависимым. Из письма Абылая командиру войсками в Сибири, генерал-майору И.И. фон Веймару от 25 августа 1760 г. следует, что российская сторона выделила ему, по его просьбе, финансовые средства для строительства «хором». Он просил прислать ему «плотников, человек до десяти» для строительства дома (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 306). Российские пограничные власти удовлетворяли любую его просьбу, направляемую либо лично в письмах, либо через посланников, будь то просьба направить писчую бумагу к нему в ставку, или просьба о присылке к нему хлебопашцев для заимствования опыта ведения земледельческого хозяйства. В 1779 г. распоряжением вице-канцлера М.Л. Воронцова хану Среднего жуза Абылай хану было назначено жалование в размере 300 рублей и 200 пудов муки в год. Ему также предлагалась возможность пребывания его многочисленных детей в Петербурге в пажеском корпусе (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 314).

Обсуждал в своих письмах Абылай хан и вопрос об отправке своих детей в качестве аманатов. Решение об отправке своего сына в Россию он принял в 1769 г., о чем сообщал генерал-майору И.А. Рейндорпу. При этом следует отметить, что ханы и султаны Среднего жуза достаточно долго отказывались предоставлять своих аманатов России, что подтверждает тезис об их стремлении к сохранению политической автономии. Интересен тот факт, что в данном письме Абылай хан выдвинул свои условия, которые российская сторона должна выполнять в отношении Мамата.

В частности, правитель требовал возведения его сына в должность генерала, организацию для него личной встречи с императрицей Екатериной II, местом пребывания сына требовал определить крепость Кызыл-Йар в Тобольской губернии. При нем должно было постоянно находиться до 10 человек-соплеменников из числа казахов Среднего жуза. Обмен аманатов Абылай хан предлагал проводить не реже одного раза в 2–3 года. Следует отметить, что до этого случая дату обмена заложников определяла российская сторона. К тому же правитель требовал, чтобы к казахам относились «одинаково», как ко всем подданным Российской империи, и «коменданты пограничных крепостей проявляли справедливость, и не было бы насилия и притеснения». Своим личным слугам-тюленгитам султан просил предоставить право «торговать беспрепятственно как в крепостях, так и на базарах», пожаловать императрицей пожизненное тарханство его многочисленному потомству и всем последующим поколениям.

Отдельное внимание в этом письме Абылай хан отводил «военной составляющей». Он требовал присылке к себе постоянного военного гарнизона. Против «дальних врагов» он считал, что Россия должна будет выделить ему 10000 воинов, против ближних – 1000, а если «враг будет менее значительный, то против моих внутренних врагов – пятьсот (воинов – Ю.Л.)». Все выдвинутые требования султан просил закрепить в тарханной грамоте Екатерины II (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 317). Согласиться на такие условия российская сторона, конечно же, не могла.

Все эти события происходили на фоне объективного ослабления позиций возрастного хана Абулмамбета и все большего возвышения в казахской степи Абылай хана. В 1871 г. он был избран ханом Среднего и Старшего жузов. Вокруг данного события в политической карьере Абылай хана разворачивалась его последующая переписка. Следует также отметить, что к этому периоду на фоне внешнеполитической ситуации, связанной с разгромом Джунгарского ханства и усилением российско-китайского соперничества за Центрально-Азиатский регион, Россия была вынуждена усилить воздействие на казахскую этноэлиту, используя свое право утверждать претендентов на ханский трон. Так, наряду с грамотами казахским ханам стали выдаваться патенты, выступавшие свидетельством их права занимать определенную должность, носить звание или титул, дарованные высочайшей милостью. Первый такой патент получил в 1749 г. хан Нуралы. В 1770 г., в обстановке усиливавшейся внутривнутриполитической борьбы за власть, Нуралы стал настаивать на выдаче ему второго патента, утверждая, что «выданный ранее устарел» (Сулейменов, Басин, 1981: 116). Кроме патентов, в отношениях России с казахскими правителями второй половины XVIII в. появилась еще одна форма нормативных документов – указы, имевшие явно императивную функцию (Сухих, 2005: 10-11).

Реально оценивая внешнеполитическую ситуацию, Абылай хан, наверняка, осознавал необходимость получения поддержки российского двора. В 1776 г. он сообщил в письме Екатерине II, что избран всеказахским ханом (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 334). Два месяца спустя он вновь обратился к императрице с письмом, в котором предложил направить ко двору сына в качества аманата и упомянул еще раз факт его избрания на ханство «по согласии с находящимся под ведомством моим киргиз-кайсацкого народа» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 335). Чуть позже, после

отправки этого письма, Абылай хан направил ко двору своих трех взрослых сыновей – Вали, Чингиза и Гумера (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 346).

Из письма, написанного Абылай ханом год спустя, в декабре 1777 г., командующему военными подразделениями Оренбургского края, генерал-поручику П.Д. Мансурову, следует, что он в очередной раз просил допустить его или его послов к императорскому двору. В письме он ссылаясь на то, что вступил в подданство Ее императорского величества и находится в нем 46 лет. Оценивая это период, Абылай хан отмечал: «... причем в службе Ее императорскому величеству упражняюсь со всяким усердием, равномерно и впредь по возможности служить готов, удален будучи всякого худого намерения... Ежели какая от меня простота произошла, о том прошу мне открыть, ибо отправленные от меня к владельцам китайскому, персицкому и к другим, которым хотя я и не подвластен, свободно ездят и благополучно возвращаются. А к ея величеству, моей всемилостивейшей государыне, у коей я в подданстве нахожусь, как выше сказано, посланники мои от давнего времени не пропускаются, не знаю для чего б, чем я от других владений важно посрамлюсь» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 343).

Причина монаршей немилости имела, по мнению российской стороны, весомые основания. Петербург раздражала излишняя политическая самостоятельность Абылая, а также сам факт избрания его всеказахским ханом без санкций с его стороны. Как отмечает в связи с этим И. Ерофеева, «Российское правительство, давно присвоившее себе право санкционировать выборы казахских ханов, с удовлетворением восприняло прошение Абылай хана об утверждении его нового формального ранга. Но поскольку официальный Петербург еще в 40-е гг. XVIII в. взял курс на дезавуирование в общественном сознании казахского института старшего хана и постепенное нивелирование статусных различий между тремя категориями степных ханов», утвердить его в должности всеказахского хана он не мог (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 276). Поэтому после третьего письменного обращения Абылай хана к Екатерине II в феврале 1778 г., несколько месяцев спустя, в мае она подписала патент и грамоту об утверждении его ханом только одного, Среднего жуза (Русско-казахские отношения, 1964: 89-91).

Последние письма Абылай хана, написанные в течение 1779 г., содержали обращение-просьбу к российским властям о присылке к нему войска, численностью 1000 человек. Войска нужны были ему для похода на тяньшанских кыргызов. Российская сторона отказала хану в данной просьбе, что стало причиной его отказа приехать на Горькую линию для конфирмации и получения «знаков ханского достоинства».

Вопросы экономического сотрудничества в эпистолярном наследии Абылай хана.

Очевидно, что Абылай хан стремился заручиться поддержкой такого могущественного соседа, как Российская империя, обеспечить безопасность своих подданных, получить право беспрепятственного кочевания на правом берегу Иртыша. Однако наиболее внимание в переписке султана с российской администрацией занимали вопросы развития торговли на приграничной линии. Так, в письме на имя Сибирского генерал-губернатора в сентябре 1743 Абылай хан писал: «Абулмогамет-хан, Аублхаирхан – братья большие мои – в Оренбурге торгуют, и мы желаем прямым свои путем торговатца, большой торг сделался бы». Таким образом, расширение экономических связей Среднего жуза через торговлю в крепостях пограничной линии, выступало одной из центральных причин политического сближения Абылай хана с Россией.

Проблема развития казахско-российских торгово-экономических отношений прослеживается через все эпистолярное наследие Абылай хана. С просьбой о разрешении торговли в Троицкой крепости «лошадьми менять всем товарам кармазинными кафтанами, лисицами черными, как в Оренбурге» он обращался в письме от 17 октября 1749 г. к командиру Уйской пограничной линии, полковнику П.С. Бахметеву, а через него и к императрице Елизавете Петровне (Эпистолярное наследие казахской ..., 2014: 286). В 1752 г. Абылай хан в письме служащему Оренбургской пограничной комиссии, бригадиру А.И. Тевкелеву выражал благодарность за развитие казахско-российской торговли, обеспечившей «свободное и безопасное препровождение» ташкентских и кашгарских купцов» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 286).

В октябре 1756 г. в письме Действительному тайному советнику И.И. Неплюеву и генерал-майору А.И. Тевкелеву султан выражал свою тревогу в связи с прекращением торговли в Троицкой крепости. В частности, он отмечал: «...в Троицкой крепости торг по прошению нашему учрежден, и мы оный производим. Токмо, когда калмыки были в миру и кашгарцы торговые ездили, да и мы, до вас людей своих придавая, посылали. А как калмыки злодействовать начали, то торговые ездить перестали, и мы с ними враждовать стали... Чего ради, в Троицку и торгу не производили» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 288).

В период правления Абылая в казахской степи в статусе хана, в условиях политической стабилизации в регионе, он также прилагал значительные усилия для развития как внутренней, так и транзитной караванной торговли. Из некоторых его писем следует, что он выступал посредником между российской стороной и среднеазиатскими купцами, обосновывая для них необходимость торговых преференций. Так, в письме на имя командующего российскими войсками в западной Сибири, генерал-майору А.Д. Скалону, в 1777 г. он писал: «О ташкинцах моих, о коих я, прежде всего, правительство просил, чтобы их на вашей стороне не обирать пошлиной, потому что кои, проезжая из своих мест, препровождаются за моим конвоем через киргиские улусы с безопасностью вперед и обратно, которые пропускаются через те улусы не для какого-то лакомства, но единство к их торгу из усердия к России. О чем ныне прошу, ибо при сатовке в крепости Троицкой и крепости святого Петра то самое с ними сделано и до меня жалоба дошла. А потому, когда так вперед делано будет, то и те ташкинцы в Россию для торгу через мои улусы пропущены не будут». (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 339).

Об урегулировании различных аспектов казахско-российских приграничных отношений в эпистолярном наследии Абылай хана. Постепенное сближение пограничного населения двух государств, совместное хозяйствование на прилегающих территориях неизбежно приводило к появлению спорных и даже конфликтных ситуаций. В первую очередь, это было связано с угоном скота, захвату в плен людей и грабежом торговых караванов, следовавших по казахской степи. Анализ эпистолярного наследия Абылай хана позволяет утверждать, что взаимные жалобы и претензии двух государств друг к другу стали обыденностью их отношений. Например, в письме от 22 сентября 1755 г. Абылай хан в очередной, даже сложно установить, какой по счету раз, обращался к Начальнику Оренбургской пограничной комиссии И.И. Неплюеву с напоминанием о событии 9-летней давности. В частности, в нем султан писал: «вы назад лет девять тому

взятых от Алимбет-батыра завоеванных 40 есырей, 50 верблюдов, да 8000 лошадей не возвратили. ... во время моего на калмык выезде от подчиненного мне народа русские 600 есырей силою отняли и из оных ни одного ж не возвратили. Однако я и ныне уповаю, что оных со стороны государевой, жалую нас, возвратите (Эпистолярное наследие казахской ..., 2014: 288). В 1758 г. в письме губернатору Оренбургского края сообщал, что у старшины Курманбая башкиры угнали 150 лошадей и «да кроме того, двух жеребцов с косяками». Просил «приказать разыскать и возвратить» угнанный скот (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 291).

В период с 1755 по 1758 гг. произошло несколько крупных угонов скота у казахов. Об этом в своих письмах Абылай хан сообщал генерал-майору А.И. Тевкелеву, Сибирскому губернатору Ф.И. Саймонову, комендантам крепостей Верхне-Иртышской укрепленной линии. Он также просил провести «расследование» и вернуть угнанный скот и, в случае бездействия властей, угрожал обратиться лично к императрице. В 1758 г. 8 сентября он был вынужден направить Елизавете Петровне письмо, в котором перечислил все случаи массовой кражи скота российскими подданными за несколько лет. Завершая своё послание императрице, Абылай хан выражал надежду, что последует ее «милость по вышеизложенному прошению» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 294-298).

Тем не менее, как свидетельствуют письма Абылай хана, написанные им российским властям в 60–70-е гг. XVIII в., грабеж и угон скота у казахов как российскими подданными, так не подданными, не прекращался. В 1763 г. Оренбургскому губернатору Д.В. Волкову в письме султан в достаточно жесткой форме отмечал: «...в крепостях Уйской и Тобольской линий из неподанных и в завоеванных пленников, яко-то, верхних калмык, сартов, персиян, каракалпак и туркменцев, бежавших с покраденными ими имением, тамошние командиры по прощению гоняющихся за ними хозяев их, ни самих пленников, ни увезенного ими имения не возвращают, а скрывают у себя. Мыслиться мы, что те градские командиры попечения государству своему и справедливости не делают, насыщаясь довольствием своей прихоти, приемля тех пленников; имеющиеся у них имение, по себе разделяют и тех пленников скрывают, отчего я собственно, в оскорблении нахожусь». Правитель также заявил, что такая ситуация продолжаться не может и что «Вдаль терпеливости его не остается» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 307-308). В то же время Абылай хан в редких случаях упоминал в своих письмах об угоне скота у российского населения пограничных территорий казахскими джигитами, являвшегося также достаточно массовым социальным явлением.

В эпистолярном наследии Абылай хана четко прослеживается его миссия по обмену беглыми и пленными. Начиная с 50-х гг. XVIII в., он неоднократно предлагал российской стороне такие обмены, называя конкретные имена либо пленников, либо беглецов. Приведем для примера выдержку только из одного письма, написанного им 22 июля 1758 г. генерал-майору А.И. Тевкелеву, с копией, которая, как он рассчитывал, будет передана императрице Елизавете Петровне. «Бегают от нас в государство Российское разных наций пленники, из которых подданных российских, яко то башкирцов, мещеряков и русских не требуем, а протчих, т.е. калмыков, сартов и протчих азиатцов о возвращении от вас..., просим, ибо мы и сами в нынешнем году прибегших к нам одного драгуна, да другого тридцатилетнего малого, также из беглых от Якова

Алегтеева сына Тоузакова двух – одного калмака, поймав, выдали, а другого, хотя ныне за дальностью того улуса, в котором он находится, расстояния, достать не возмogli, однако и ево отыщем и выдадим. В заключение сего доношу, что вам, ежели помянутые наши беглецы возвращаемы от вас будут, то и ваши от нас выдаваемы быть могут. ... однако будет ли тем беглецам взаимное возвращение или нет, прошу ко мне сообщить» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 292-293).

Как свидетельствует эпистолярное наследие Абылай хана, обмен пленными регулярно осуществлялся на протяжении 60–70-х гг. XVIII в. Так, в очередном письме Екатерине II от 24 июня 1864 г, в котором сообщалось об отправке делегации в Петербург на ее коронацию, содержались сведения и о том, что он вернул российской стороне пленных. Среди них: «70 домов башкирцев с детьми и со всем скотом, 30 человек урянхайцев, и 4 человек русских, в том числе 2 мужеска, да 2 женска пола (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 311). Год спустя он писал командующему Сибирской укрепленной линией, генерал-поручику И.И. Шпрингеру письмо с просьбой вернуть беглеца по имен Урус, яркой приметой которого являлась рассеченная верхняя губа (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 311).

В 70-е гг. XVIII в. Абылай хан продолжил выступать инициатором возвращения пленных и беглецов. Фактически ежегодно он обращался с таким предложением к российской администрации Западной Сибири и Оренбургского края, предлагая им «для выручки захваченных российских людей послать команду». Однако российские власти не шли на этот шаг, видимо, в силу различных обстоятельств. Поэтому Абылай хан посылал «своих людей» или «своих сыновей с немалым числом киргизцев в самые те улусы, где российские люди находятся, с тем приказанием – у каго оные находятца то б тех воров ко мне привести, в рассуждении, ежели тех воров не захватить и в том не изобличить, то оно по вызовам и повелением не только не выдадут, да и не послушают» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 338). В одном из писем командиру пограничных сибирских войн, генерал-майору А.Д. Скалону в 1777 г. хан резко высказался о том, что для выручки российских пленных региональной российской администрацией «старания не прилагается» (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 338). В то же время сохранился ряд документов российских чиновников, которые свидетельствовали о том, что «имея не только в подчиненной ему (Абылай хану – Ю.Л.) орде, но и у себя собственно многих российских людей, коих по многому требованию не выдает» (Русско-казахские отношения..., 1964: 99).

Несколько писем султана Абылай хана свидетельствуют о том, что он выступал в роли посредника между Россией и некоторыми кочевыми племенами неказахского происхождения в вопросе подданства. В ноябре 1745 г. в письме командующему войсками в Западной Сибири, генерал-майору Х.Х. Киндерману, султан сообщал о том, что на территории между его кочевьями и районом проживания калмыков (джунгар – Ю.Л.) поселились «уйсонские». «Прежде всего, немирные и супротивные нашему государю люди, называемые уйсонские, триста изб, ...ездили и шатались они повсюду, а лучшее-де все милостивейшей государыни не нашли. А ныне-де приехали ко мне их зайсаны и прощения просят, а мирные-де из Казачьей орды люди и русские не принимают, то своими же головами преклонились и повинну принесли милостивейшей государыне...»

(Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 283). В завершении письма Абылай хан спрашивал у Х.Х. Киндермана совета, как с ними поступить. Месяц спустя, в декабре 1740 г., аналогичное письмо он направил Сибирскому губернатору А.М. Сухареву. Почеркнув, что уйсонские «в своих грехах раскаиваются» и «покоряются государю», он также попросил «освободить из-под ареста находившихся в тюрьме г. Тобольска двух сородичей этой этнической группы (Эпистолярное наследие казахской..., 2014: 283-284). Неизвестно, чем завершилась данная история, однако сам факт свидетельствует о влиянии и авторитете Абылай хана среди не только казахских родов, но и представителей других этнических групп.

Полученные результаты

Подводя итоги, отметим, что эпистолярное наследие крупнейшего политического деятеля XVIII в. Абылай хана являлось важной формой взаимодействия между казахскими жузами и Российской империей. В данный исторический период отношения между двумя государствами эволюционировали от формально-правового сюзеренитета Российской империи над казахскими жузами до государственно-политического протектората. Этот факт дает основание рассматривать властную коммуникацию казахской и российской политических элит как взаимодействие, взаимовлияние и взаимообмен полноправных коммуницирующих акторов. Взаимодействие правящих кругов двух государств на протяжении XVIII столетия в условиях языкового барьера, территориальной отдаленности ставок казахских правителей от российского приграничья и неразвитости транспортных артерий, наиболее интенсивно осуществлялось через обмен письмами казахских султанов и ханов с руководителями государственных структур Российской империи. Такой формат взаимоотношений позволял каждой из сторон оперативно решать текущие и срочные дела, выявлять позиции друг друга по тому или иному вопросу, обмениваться информацией о текущей ситуации на российско-казахской границе и в степи.

Заключение

Эпистолярное наследие Абылай хана позволяет утверждать, что он являлся признанным авторитетом как для казахского кочевого населения, так для России. Он вел переписку с императрицами, членами Коллегии иностранных дел, генерал-губернаторами Оренбургского края и Сибири, военной верхушкой войсковых соединений Западной Сибири. В поле зрения вопросов, которые казахский правитель обсуждал со своими адресатами – развитие международной ситуации в Центральной Азии, казахско-российские и казахско-китайские отношения, «джунгарский вопрос»; широкий спектр социально-экономических тенденций казахско-российского сотрудничества – торговля, обмен пленными и беженцами. Анализ позиций Абылай хана по различным аспектам казахско-российского взаимодействия, его политическая риторика, отраженная в письмах, конечные результаты и эффекты, которые ему удавалось добиваться, свидетельствуют о его незаурядных дипломатических способностях.

Литература

- Абдилашим Д., 2024. Историческое значение письма-указа китайского императора казахскому султану, сохранившегося в китайских архивах. *Turkic Studies Journal*. 1 (Т. 6). С. 7-22.
- Абуев К.К., 2013. Абылай хан. Современники и наследники. Кокшетау: Эрекет. 308 с.
- Аполлова Н.Г., 1960. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во Акад. наук СССР. 456 с.
- Басин В.Я., 1971. Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: Наука. 275 с.
- Васильев Д.В., 2014. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: РОСПЭН. 471 с.
- Валиханов Ч.Ч., 1984. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Наука. 324 с.
- Ерофеева И. В., 1999. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы: Санат. 334 с.
- Касымбаев Ж.К., 1999. Абылай хан и проблемы казахской государственности (последняя четверть XVIII в. по новым архивным данным) // Уроки отечественной истории и возрождение казахстанского общества: материалы научной сессии ученых Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан, посвященной Году народного единства и национальной истории, г. Алматы, 4 июля 1998 г. Алматы. С. 103-108.
- Моисеев В.А., 1998. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке: Очерк внешнеполитических отношений. Барнаул: Изд-во АГУ. 175 с.
- Сулейменов Б.С., Басин В.Я., 1981. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука. 243 с.
- Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А., 1988. Из истории Казахстана XVIII века: (О внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука. 144 с.
- Сухих О., 2005. Как «чужие» становятся «своими», или лексика включения Казахской степи в имперское пространство России. Вестник Евразии. 3. С. 10-11.
- Русско-казахские отношения в XVIII-XIX вв., 1961. Алма-Ата: Наука. Т. 1. 533 с.
- Русско-казахские отношения в XVIII-XIX вв., 1964. Алма-Ата: Наука. Т. 2. 573 с.
- Эпистолярное наследие казахской правящей элиты (1675-1821 гг.), 2014. Алматы: АО «АБДИ Компани». Т. 1. 696 с.
- Giddens A., 1984. *The construction of society: outline of the theory of structuration*. Cambridge: Polity.
- Lysenko Yu.A., 2018. «Deputative missions» of The Kazakh khans, sultans and family governs in The court of the Russian emperors in The first half of The 19th century. *Bylye gody*. 50 (4). Pp. 1518-1529.

Reference

- Abdilashim D., 2024. Istoricheskoe znachenie pis'ma-ukaza kitaiskogo imperatora kazahskomu sultanu, sohranivchegosya v kitaiskih arhivah [The historical significance of the decree letter of the Chinese emperor to the Kazakh sultan, preserved in Chinese archives]. *Turkic Studies Journal*. 1 (Т.6). P. 7-22. [in Russian].
- Abuev K.K., 2013. Abylai khan. Sovremenniki i nasledniki. [Abylai Khan. Contemporaries and heirs.]. Kokshetau: Ereket. 308 p. [in Russian]
- Apollova N.G., 1960. Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazahstana s Rossiei v XVIII – nachale XIX v. [Economic and political relations of Kazakhstan with Russia in the 18th – early 19th centuries]. Moscow: izd-vo Akadem. Nauk SSSR. 456 p. [in Russian]

Basin V.Ya., 1971. Rossiya i kazahskie hanstva v XVI-XVIII vv. (Kazakhstan v sisteme vneshnei politiki Rossiiskoy imperii) [Russia and the Kazakh khanates in the 16th–18th centuries. (Kazakhstan in the foreign policy system of the Russian Empire)]. Alma-Ata: Nauka. 275 p. [in Russian].

Vasil'ev D.V., 2014. Rossiya i Kazahskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. XVIII – pervaya polovina XIX veka [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. XVIII - first half of the XIX century]. Moscow: ROSSPEN. 471 p. [in Russian].

Valihanov Ch.Ch., 1984. Sobranie sochineniy v pyati tomakh [Collected works in five volumes]. T.1. Alma-Ata: Nauka. 324 p. [in Russian].

Erofeeva I.V., 1999. Han Abulhair: polkovodec, pravitel', politik. [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician.]. Almaty: Sanat. 334 p. [in Russian].

Kasymbaev Zh.K., 1999. Abylai khan i problem kazahskoy gosudarstvennosti (poslednyaya chetvert' XVIII v. po novym arhivnym dannym) [Abylai khan and the problems of Kazakh statehood (last quarter of the 18th century according to new archival data)], Uroki otechestvennoy istorii i vrozhdenie kazahstanskogo obshchestva: materialy nauchnoy sessii uchenykh Ministerstva nauki – Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, posvyaschenoy godu narodnogo edinstva b natsional'noy istorii, g. Almaty, 4 iyulya 1998 g. [Abylai Khan and the problems of Kazakh statehood (the last quarter of the 18th century according to new archival data). Lessons of national history and the revival of Kazakh society: materials of the scientific session of scientists of the Ministry of Science - Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, dedicated to the Year of National Unity and National History, Almaty, July 4, 1998]. Almaty. P. 103-108. [in Russian].

Moiseev V.A., 1998. Rossiya i Dzhungarskoe hanstvo v XVIII veke: Ocherk vneshnepoloticheskikh otnosheniy [Russia and the Dzungar Khanate in the 18th century: Essay on foreign policy relations]. Barnaul: Izd-vo Altay State University. 175 p. [in Russian].

Suleimenov.B.S., Basin V.Ya., 1981. Kazakhstan sostave Rossii v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the 18th – early 20th centuries]. Alma-Ata: Nauka. 243 p. [in Russian].

Suleimenov R.B., Moiseev V.A., 1988. Iz istorii Kazahstana XVIII veka: (O vneshnei i vnutrennei politike Ablaya) [From the history of Kazakhstan in the 18th century: (About Ablai's foreign and domestic policies)]. Alma-Ata: Nauka. 144 p. [in Russian].

Suhii O., 2005. Kak "chuzhie" stanovyatsya "svoimi", ili leksika vklyucheniya Kazahskoy stepi v imperskoe prostranstvo Rossii [How "strangers" become "our own", or the vocabulary of the inclusion of the Kazakh steppe into the imperial space of Russia]. Vestnik Evrazii [Eurasian Bulletin]. 3. P. 10-11. [in Russian].

Russko-kazahstanskije otnosheniya v XVIII-XIX vv., 1961. [Russian-Kazakh relations in the 18th-19th centuries.]. T.1. Alma-Ata: Nauka. 533 p. [in Russian].

Russko-kazahstanskije otnosheniya v XVIII-XIX vv., 1961. [Russian-Kazakh relations in the 18th-19th centuries.]. T.2. Alma-Ata: Nauka. 533 p. [in Russian].

Epistolyarnoe nasledie kazahskoy pravuaschei elity (1675-1821gg.), 2014. [Epistolary legacy of the Kazakh ruling elite (1675-1821)]. T.1. Almaty: AO "ABDI company". 696 p. [in Russian].

Giddens A., 1984. The construction of society: outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity.

Lysenko Yu.A., 2018. «Deputative missions» of The Kazakh khans, sultans and family governs in the court of the Russian emperors in the first half of the 19th century, Bylye gody [Bygone years]. 50(4). P. 1518-1529. [in Russian].

Yu.A. Lysenko

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

(E-mail: iulia_199674@mail.ru)

Abylai's Epistolary Legacy in the context of Kazakh-Russian political communication

Abstract. The article presents an analysis of the epistolary legacy of Abylai Khan, a prominent Kazakh public and political figure of the XVIII century, through the prism of communication practices between the political elite of the Middle Zhuz and the authorities of the Russian Empire. It is noted that during this period, relations between the two states evolved from the formal-legal suzerainty of the Russian Empire over the Kazakh Zhuzes to a state-political protectorate.

This gives reason to consider the authoritative communication of the Kazakh and Russian political elites as interaction and mutual influence of fully-fledged actors. This interaction took various formats - negotiations, exchange of diplomatic missions, etc. However, in conditions of language barrier and territorial remoteness from each other, the most intensive interaction was carried out through the exchange of letters between Kazakh sultans and khans and the Russian Empire officials. Abylai Khan's epistolary legacy allows us to assert that he corresponded with empresses, members of the Board of Foreign Affairs, the governors-general of the Orenburg Region and Siberia, and the military elite of the Western Siberia military units.

Keywords: Abylai, the Russian Empire, epistolary legacy, political communication, socio-economic issues, citizenship, trade.

Ю.А. Лысенко

Алтай мемлекеттік университеті, Барнауыл, Ресей Федерациясы

(E-mail: iulia_199674@mail.ru)

Қазақ-Ресей саяси коммуникациясы контексіндегі Абылай ханның эпистолярлық мұрасы

Аннотация. Мақалада XVIII ғасырдағы қазақтың ірі қоғамдық-саяси өкілі Абылай ханның орта жүздің саяси элитасы және Ресей империясының билігі мен әкімшілігі арасындағы қарым-қатынас тәжірибесі призмасы арқылы көрінетін эпистолярлық мұрасының талдауы ұсынылады. Бұл кезеңде екі мемлекет арасындағы қарым-қатынас Ресей империясының қазақ жүздеріндегі ресми құқықтық сюзеренитетінен мемлекеттік-саяси протекторатқа дейін дамығаны атап өтіледі. Бұл қазақстандық және ресейлік саяси элиталардың билік байланысын толыққанды субъектілердің өзара әрекеті мен ықпалы ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Аталған іс-қимыл әртүрлі форматта жүргізілді – келіссөздер, елшілер миссияларымен алмасу және т.с.с. Алайда тілдік кедергі және бір-бірінен аумақтық алшақтық жағдайындағы ең қарқынды өзара іс-қимыл қазақ сұлтандары мен хандарының Ресей империясының шенеуніктерімен хат алмасуы арқылы жүзеге асырылды. Қарым-қатынастың бұл форматы шұғыл мәселелерді жылдам шешуге, белгілі бір мәселе бойынша бір-бірінің ұстанымдарын анықтауға және өзара ақпарат алмасуға мүмкіндік берді.

Абылай ханның эпистолярлық мұрасы оның патшайымдармен, Сыртқы істер коллегиясы мүшелерімен, Орынбор аймағы мен Сібір генерал-губернаторларымен, Батыс Сібірдегі әскери

құрамалардың әскери элитасымен байланыса отырып, хат алмасқанын растайды. Орта Азиядағы халықаралық жағдайдың дамуы, қазақ-орыс және қазақ-қытай қарым-қатынастары, «жоңғар мәселесі»; әлеуметтік-экономикалық мәселелердің кең ауқымы қазақ билеушісінің ұдайы назарында болған.

Абылай ханның қазақ-ресей қарым-қатынасының әртүрлі аспектілері бойынша ұстанымдарын талдау, оның хаттарда бейнеленген саяси сөз шеберлігі, оның қол жеткізген соңғы нәтижелері мен әсерлері оның ерекше дипломатиялық қабілет иесі екенін айғақтай түседі.

Кілт сөздер: Абылай хан, Ресей империясы, эпистолярлық мұра, саяси коммуникация, әлеуметтік-экономикалық мәселелері, бодандық, сауда-саттық.

Сведения об авторе:

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, 656023. Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, офис 316.

ORCID: 0000-0002-8173-4174

Scopus ID: 56358251500

Information about authors:

Lysenko Yuliya Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University, 656023. Altai Territory, Barnaul, 61 Lenin Ave., office 316

ORCID: 0000-0002-8173-4174

Scopus ID: 56358251500

Автор туралы мәлімет:

Лысенко Юлия Александровна, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Алтай мемлекеттік университеті, 656023. Алтай аймағы, Барнауыл қ., Ленин даңғ., 61, 316 офис

Scopus ID 56358251500